ISSN 0130-7673

НОВЫЙ МИР

7

2000

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Цветы… Пусть простые, нашенские, но сажаем, пропалываем, поливаем, бережем. Без цветов нельзя».

- Борис Екимов
  - ○

Борис Екимов
ЛАЗОРЕВЫЙ ЦВЕТ

Двор мой последние годы все более полонит пустая трава. То ли сил стало меньше от нее отбиваться, а скорее — охоты: растет… и пускай растет. Места много. И огород затравел. Да и какой это теперь огород! Лишь названье. Грядка лука, грядка чеснока, полсотни помидорных кустов да кое-какая зелень. Земли пустует много и много. Уже не с мотыгой, с косой выхожу поутру на покос.

Но вот цветы остались. Сейчас август, конец его. По утрам — зябко. Роса. Днем — тепло, но палящего зноя нет.

Полыхают, горят, нежно светят простые мои цветы — душе и глазам отрада.

Конечно, главная краса и гордость — это циннии; по-нашенски, по-донскому, — «солдатики», наверное, потому, что прямо стоит цветок, не колыхнется на твердом стебле, будто гренадер.

А все вместе они — словно высокий костер, багровый, алый, красный. Тихое пламя его не палит, но греет. Кто не войдет во двор, сразу хвалит: «Какие у вас циннии хорошие!» Даже фотографироваться приходили возле цветов. Честное слово! А почему бы и нет?.. Циннии и впрямь хороши.

Длинная гряда вдоль дорожки. Высокие стебли, почти в рост. А цветут мощно и щедро, от земли до маковок. Багряные, алые, розовые. Цветут и цветут. Так будет долго. До первого утренника где-нибудь в октябре. Они и замерзнут во цвете. Поднимешься, выйдешь во двор — холод, трава в белом инее. «Солдатики»-циннии, их яркие цветы и зеленые листья, заледенели. Хрустят под рукой. Ломаются. Солнце взойдет, они обтают и почернеют. Конец.

Но теперь — август. До грустного еще далеко. Полыхают, горят костром алые, красные, розовые цветы. Любо на них глядеть.

А чуть подалее, глубже во двор, клумба не клумба, грядка не грядка, а словно базар восточный, его просторный разлив. От летней кухни до погреба, до сарая и дома. Здесь астры: белые, сиреневые, палевые; с желтой корзинкой посередине и — нежные, хрупкие, стрельчатые шары. Здесь могучие бархотки ли, «чахранки» с резными ажурными листьями. А цветы — кремовые, шафрановые, карминовые. Каждый лепесток оторочен золотистой желтизной и потому мягко светит; на взгляд и на ощупь —

бархат. Оттого и зовутся бархотками. Мощные кусты очитков: заячья капуста, молодило… В августе они лишь начинают цвести. Лазурные, светло-сиреневые, малиновые корзинки-соцветия с медовым духом в окружении мясистой, сочной, словно восковой листвы. По краям клумбы скромно проглядывают граммофончики пахучих петуний — белые, фиолетовые, розовые.

Какая тут клумба… Восточный базар. Радужное многоцветье на зеленом подбое листьев. Звенят и гудят пчелы, шмели, радуясь и кормясь; золотистые стрекозы шуршат слюдяными крылами, вспыхивают и гаснут.

Цветы… Пусть простые, нашенские, но сажаем, пропалываем, поливаем, бережем. Без цветов нельзя.

В соседнем дворе доживает век старая Миколавна. По дому еле ползает, во двор не выходит, лишь на крылечке сидит порой. Во двор выйти не может, но каждый год молодым своим помогальщикам наказывает: «Возле порожков посадите мне георгину». Ее слушаются, сажают. Цветет георгина куст. Миколавна глядит на него, на ступеньках сидючи вечерами.

Через улицу, напротив, живет старая же Гордеевна. У нее одышка, больное сердце. Ей нагибаться никак нельзя. Но каждое лето цветут у нее в палисаднике «зорьки». «Это наш цветок, хуторской… — объясняет она. — Я его люблю…»

Сосед Юрий. Человек нездоровый, больной. Какой с него спрос! Но в летнюю пору расцветает посреди вконец запущенного двора могучий куст розовых пионов. «Мама посадила… — объясняет он. — Я поливаю». Мама его давным-давно умерла. А этот цветочный куст — словно привет далекий.

У тетки Лиды земли возле дома не много. «В ладонку… — жалуется она. — А надо и картошку, и свеклу, и помидоры, того и другого посадить. А земли — в ладонку». Но анютины глазки цветут возле дома, золотятся «царские кудри». Без этого нельзя.

У Ивана Александровича с супругой тоже земли не хватает. У них на подворье с математической точностью рассчитан каждый миллиметр. Приходится исхитряться. После картошки успевает еще и капуста созреть до морозов. Убрали лук, поздние помидоры растут. Но и у них — пара кустов «зорьки», несколько георгинов, «солнышко» стелется и цветет.

Там, где хозяева молодые, в силах, там — розы, там — лилии, там много всего во дворах, в палисадах.

А ведь с цветами — столько забот. Сами собой, от Бога, они не вырастут. Посади, гляди за ними, рыхли, пропалывай, коровяком подкорми. А попробуй не полей хотя бы день при нашей жаре! Тут же засохнут. Не то что цвбета, листьев не увидишь. Цветы вырастить — труд немалый. Но радости больше.

Августовское раннее утро. Завтрак на воле. Солнце за спиной. Перед глазами — цветы. Сколько их… Десятки, сотни… Алые, синие, лазоревые, золотисто-медовые… Все на меня глядят. А если вернее, через плечо мое, на утреннее встающее солнце. Светит перед глазами желтизна и бель, нежная васильковая голубизна, зелень, алость, небесная синь. Смотрят и дышат в лицо мне простые наши цветы.

Летнее утро. Впереди — долгий день…

Порою, когда начинают о людях худое говорить: мол, народ пошел никудышный, извадился, изленился… — при таких разговорах я всегда вспоминаю о цветах. Они есть в каждом дворе. Значит, не так уж все плохо. Потому что цветок — это ведь не просто поглядел да понюхал… Скажите, шепните женщине ли, девушке: «Цвет ты мой лазоревый…» — и вы увидите, какое счастье плеснется в ее глазах.